

СОКРОВИЩА
ВАЛЬКИРИИ

Редакционно-издательская группа
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
представляет серию романов Сергея Алексеева
«СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ»

СТОЯЩИЙ У СОЛНЦА
СТРАГА СЕВЕРА
ЗЕМЛЯ СИЯЮЩЕЙ ВЛАСТИ
ЗВЕЗДНЫЕ РАНЫ
ХРАНИТЕЛЬ СИЛЫ
ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ
ПТИЧИЙ ПУТЬ

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ХРАНИТЕЛЬ
СИЛЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложке — *Андрей Лунаев*
Компьютерный дизайн — *Галина Смирнова*

Алексеев, Сергей Трофимович.
А47 Сокровища Валькирии. Хранитель Силы [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Сокровища Валькирии: лучшие романы Сергея Алексеева).

ISBN 978-5-17-089683-7

Со времен Петра государевы люди, не щадя себя, берегли в сторожайшей тайне золото и ценные бумаги — неучтенную казну Российской империи. Служба СФС — специальных финансовых средств — сгинула в революционной смуте, но в конце Великой Отечественной войны неучтенная казна снова пополнилась: в руках последователей государевых людей оказались акции Веймарской республики — «бомба», способная взорвать экономику всей Европы. В наши дни журналист Андрей Хортов, собирающий материал о секретной экономической деятельности Коминтерна, неожиданно оказывается в гуще сражения за веймарский пакет. Но Андрея хранит Дара...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089683-7

© Алексеев С.Т.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Коноплев не любил море, хотя более сорока лет жил на самом берегу и в осенние шторма волны докатывались до усадебной изгороди, а брызги и водяная пыль доставали кроны кипарисов и крышу дома. А порой накрывали сад, отчего фрукты и виноград вызревали солоноватыми, и отдельные сорта даже горькими.

Не зря этот берег назывался Соленой Бухтой.

Он делал вино, однако сам не пил и почти все продавал отдыхающим, в большинстве случаев северянам, которые ничего не пробовали слаще морковки и были в восторге от крепости вина и его вкуса. Земля, трава, деревья и сам кирпичный дом давно напитались морской солью, испаряющейся в воздух даже зимой, и потому Виктор Сергеевич всегда ощущал горечь на губах и во рту.

Особенно его доставал шум прибоя, и если море разыгрывалось ночью, он не мог спать и в поисках тишины спускался в бетонированный блиндаж — винный погреб, где для этой цели стояла раскладушка со спальным мешком.

Несмотря на солидный возраст, он ничем не болел, выглядел молодо и голос был не старческий — могучий низкий бас, как у оперного певца. Кроме сада, рыбалки и добычи антиквариата со дна ненавистного моря, у него было два страстных занятия — чтение газет, которые он выписывал или в последнее время покупал пачками, вплоть до «Пионерской правды»,

и второе, самое любимое, — кузнечное ремесло и кузня, выстроенная собственными руками еще в пятидесятых годах, когда он перебрался на юг. Коноплев был открыт для всех отдыхающих и почти ничего не таил от них, кроме содержимого каменного сарайчика в дальнем углу сада, который обычно принимали за временку для «дикарей». Еще в юности он попробовал этого ремесла, и всю жизнь тосковал по нему, и тут дорвался до милой сердцу стихии огня, металла и его перевоплощения.

В доме и усадьбе все было кованое: калитка и узоры над окнами, кровати и цветы в вазах. Повсюду лежали запасы железа самого разного профиля, особо ценное, выплавленное на березовых углях и добытое в сносимых старых домах и церквях, оно хранилось отдельно, в специальном сарайчике, недоступное соли морского воздуха, от которого меняло кристаллическую структуру.

После бархатного сезона, с наступлением осени, когда разъезжались последние отдыхающие, Виктор Сергеевич отпирал кузню и, словно чародей-огнепоклонник, возжигал горн, почти не гаснувший до весны.

С апреля по октябрь он не носил никакой одежды, кроме плавок, загорал до синего, негритянского отлива, за что носил прозвище Мавр, и часто смущал своим голосом и видом одиноких женщин. Он настолько привык к прозвищу, что давно отзывался на него, и бывало, представлялся так своим квартирантам. В последние годы, как и все вокруг, он зарабатывал тем, что пускал к себе «дикарей», заселяя ими две временки и три отдельные комнаты дома. Он долго удерживался от такого бизнеса, с весны до осени посторонних на свою усадьбу не пускал принципиально, и лишь когда умерла жена, не из-за денег, а от тоски поселил в доме отдыхающих. А за зиму соорудил в саду две временки, и в самый разгар сезона населенные усадьбы доходило до пятнадцати человек.

В восемьдесят седьмом году, в бархатный сезон к Мавру явился немец Фридрих Шосс — старик лет семидесяти, очень хорошо говорящий по-русски (в то время иностранцы хоть и робко, но уже начали осваивать Крым). Объяснил, что в гос-

тиниче «Ялта» нет свободных номеров, а, дескать, так хочется несколько дней покупаться в море. Мест не было и у Мавра, но этот немец так настойчиво просился, что пришлось пустить его в чердачную недостроенную комнату, где было оборудовано спальное место. Коноплев уже давно не испытывал особой ненависти к немцам; скорее, напротив, было некоторое любопытство. Пару дней Шосс ходил вдоль моря, заметно прихрамывая, не купался и даже не загорал, и на третий не спустился с чердака. Мавр поднялся к нему и обнаружил немчуру совершенно здорового и даже веселого.

— А я тебя искал, князь, — сказал он. — Всю жизнь искал. Я не поверил, что ты погиб в сорок пятом. Ты не мог погибнуть. Сменил фамилию — дело другое...

— Похоже, и ты сменил, — перебил Мавр, вглядываясь в квартиранта. — Как тебя раньше-то звали?

— Имени ты не знал. Что тебе были наши имена?.. Но фамилию должен помнить — майор Соболев, начальник разведки дивизии.

— Ну как же! Пивоварня в Берлине... Да, сколько годиков минуло! — Мавр сунул ему кулаком в отвисший живот. — Плохо сохранился, Соболев, пузо, как у старого мерина, обрюзг — никак бы не узнал.

— А я тебя сразу узнал, несмотря, что шкура черная.

— По этому? — Мавр показал шрам через всю щеку, напоминающий складку.

— И по этому тоже. Когда мне рассказали, какой ты, где и как живешь, я еще твоей новой фамилии не знал, но сразу понял: ты тот самый полковник.

— Ну, не полковник, а генерал-лейтенант! — с удовольствием поправил Мавр. — А кто меня обрисовал?

— Да один твой отдыхающий, случайно встретились в Италии. — Квартирант стриг глазами. — Всю жизнь искал, такие силы и средства привлекал — никакой информации. А тут появляется хлипкий, нечаянно разбогатевший мужичок и рассказывает, как отдыхал, у кого... Художник! Мастер разговорного жанра!

— Значит, ты еще навыков не утратил?

- Приумножил, князь, приумножил!
- Ну да, а иначе бы не выжил. Как подлечили-то в немецком госпитале?
- Неплохо...
- Чего же хромаешь?
- Хорошо — ногу не отняли!
- Значит, вернуться в СССР не пожелал?
- Ты помнишь, как я попал в госпиталь? Сам же сдал!
- А что, лучше было бы пулю в лоб закатать?
- Ты бы закатал, и рука не дрогнула...
- Дурень, я от смерти тебя спас! Куда бы ты в эсэсовской форме?..

Бывший майор помялся.

— В общем-то да... Ситуация... Оказался в американской зоне. Янки начали меня крутить... Вернулся бы к своим — или шлепнули сразу, или в лагерь. Из группы никого не осталось, а кто еще знал о нашей операции?

— Тот, кто отправлял!

— И кто бы меня пустил к Жукову? В СМЕРШе бы и разбираться не стали...

Мавр сделал паузу и спросил уже мягче:

— Как жилось-то на Западе? По-немецки научился говорить? Или все контуженого играешь?

— Научился... А в жизни ничего хорошего не было. В срок седьмом раскрыли, осудили как советского шпиона и на семнадцать лет в тюрьму. Правда, через два года освободили...

— Перевербовали?

— Но меня же никто не вербовал, чтобы перевербовывать.

— А, ну да, присяга, значит, не в счет... Согласился на сотрудничество?

— Ты нисколько не изменился! Что ты вьедаяешься? Мне семьдесят один год! А тебе лет на пять побольше, верно?

— На шесть, но я как-то об этом постоянно забываю, — добродушно признался Мавр.

Бывший начальник разведки дивизии панибратски хлопнул его по плечу.

— Но я не лечиться к тебе приехал, хотя говорят, ты практикуешь.

— Ностальгия замучила? Поехал сослуживца искать?.. Или другая причина?

— Другая... Поделиться бы надо, князь.

— А чем поделиться, майор?.. Или ты тоже подрос в звании?

— Бумажками поделиться, генерал. За которыми ходили. Теми, что из Берлина вывез. А потом будто бы взял и погиб.

— Так сожгли бумажки, Соболь! Костерчик из них разве-ли. Сам Георгий Константинович и запалил.

— Эти бумажки не жгут, — засмеялся тот. — Жуков за них и пострадал. Ни Сталин, ни Хрущев не получили акций. Маршал приказал держать все у себя, до особого распоряжения. И до сих пор бумаги находятся у тебя! С сорок пятого года!

— И сколько же ты хочешь получить?

— В любом случае половину пакета. Мы с тобой остались на этом свете только двое здравствующих. По-моему, других правонаследников не имеется.

— Как ты себе это представляешь? — насмешливо спросил Мавр. — Сейчас я открою сарайчик, достану акции, отсчитаю половину и отдам? Может, тебе головку полечить, а не ногу?

Такой оборот Соболю не понравился, одутловатость щек сползла вниз, и лицо посерело.

— Я приехал в СССР как частное лицо. Но за мной стоят определенные силы некоторых цивилизованных государств. А здесь у вас перестройка, сближение с Западом, и вашему правительству не нужен скандал с Веймарскими акциями. Они не были объявлены как трофеи, не пошли в счет контрибуции. Получился нонсенс: ценные бумаги не принадлежат ни СССР, ни Германии. Ни одно из этих государств не может претендовать на них, ибо Гитлер добыл их преступным путем, а как их приобрел Советский Союз, мы с тобой живые свидетели. Но со временем их придется передать Германии, не получив ни копейки, вместе с другими вывезенными ценностями. Ваш ЦК вместе с генсеком пойдут на любые условия, чтобы только не раздражать цивилизованный мир.

— Ты предлагаешь поделить и разбежаться?

— В одиночку ничего с бумагами не сделаешь, — уверенно сказал Соболев. — Тебя просто ограбят и уберут, едва обнаружат акции. Мгновенно!.. Для их реализации должно быть не менее чем прикрытие какого-либо свободного и цивилизованного государства. Я имею возможность обеспечить такое прикрытие.

— Подумаю. Слишком неожиданное предложение.

— Только не долго! Максимум три дня. Пока я отдыхаю.

— А вот сколько хочу, столько и буду думать! — вдруг склонился к нему и прорычал Мавр. — И ты мне тут сроков не ставь!

Бывший майор сдался, видимо, вспомнив характер хозяина.

— Хорошо, генерал, я подожду, больше ждал... Но жить буду у тебя. Мне нравится эта комнатка, чем-то напоминает развалины и молодость.

На следующее утро оставшийся для всех остальных немцем, Фридрих Шосс изъявил желание наконец-то искупаться в Черном море вместе со всеми отдыхающими и хозяином «русского отеля» Мавром. Сделали организованный заплыв до буйков, после чего устроили игру в водное поло, и никто не заметил, как исчез иностранец.

Его сначала искали собственными силами, потом приехали водолазы и только через три дня, далеко от Соленой Бухты, обнаружили тело немца, прибитое волнами к берегу...

Два года после этого трагического случая Мавр не пускал к себе отдыхающих, но жизнь заставила, и он снова начал сдавать жилье, только супружеским или иным парам, однако в последнее время стало не до выбора, поскольку в конце восьмидесятых резко убавился поток отдыхающих. Потом бизнес набрал обороты, и на юг потянулись начинающие богатеть одиночки, и больше всего — барышни молодые и жаждущие развлечений предпринимательницы, жены скоробогатых коммерсантов, еще не освоившие пляжи Канар, удачливые валютные проститутки и просто челноки.

Через некоторое время вся эта публика открыла для себя заморские страны, и дом в летний сезон наполовину опустел.

Но были завсегда, приезжающие специально к нему по одной причине: Мавр лечил с помощью массажа многие заболевания — от хандры до бесплодия. Сам Мавр в благодатное и лечебное действие своих рук не верил, а облегчение и улучшение здоровья клиенток (массировал исключительно женщин) относил к области психологии. Если что-то и лечил, то только душу. Однако бывало, что получал письма с благодарностью, в том числе и за восстановленные детородные способности, над чем весьма осторожно шутили и посмеивались приятели.

И напрасно: если его лекарские способности помогали женщинам, то только милостью Божьей, поскольку Виктор Сергеевич всю жизнь был верен жене.

Лечение свое Мавр всегда проводил творчески и для каждой страждущей индивидуально. Если откровенно, над некоторыми пресыщенными и тоскующими особами он попросту издевался и умучивал их на массажном столе до полусмерти. После того как раза три он чуть было не подрался с ревнивыми мужьями, пришлось все свои лекарские таинства из комнаты выносить на всеобщее обозрение — в сад, под кроны платанов.

Зимой он придумывал новые способы лечения и летом отработывал их на отдыхающих, например, массаж с листьями роз или пирамидального тополя, в морской или дистиллированной воде, перед сном и после пробуждения. Еще лечил голосом — тихо и вкрадчиво басил какие-то слова то в одно ушко, то в другое и при этом массировал копчик. А то уносил стол к морю и там обкладывал женщин камнями, наваливал огромные тяжести, заставляя лежать по часу под таким тяглом, — конечно, потом испытаеть облегчение!

Мавр валял дурака, а чтобы мужья клиенток не возбуждали своих чувств, глядя, как чернокожий седовласый старик мнет ягодицы и поглаживает шейки их возлюбленных, он заставлял ему помогать — таскать с моря «свежую» воду, рвать листья, носить те же камни. Валял дурака, глумился над богатыми дамами и одновременно зарабатывал на электромолот для кузницы.

Цены все росли и росли, нужной суммы никак не накапливалось...

После смерти жены он всегда чувствовал одиночество, но близких друзей не заводил. Последним, истинным и верным другом оставалась Любовь Алексеевна, с которой он прожил чуть ли не полвека. Она страстно любила телевизор и политику, верила в сверхъестественные силы и астрологию, и когда к власти пришел Горбачев, с пятном на лысине, она успокоилась, сказала, что теперь Советский Союз ждет стабильность и слава на вечные времена. Вскоре она умерла.

Виктор Сергеевич в одиночку оплакал ее и, чтобы быть ближе к ней, отодрал кипарисовые доски от времянки, выстрогал их, сколотил гроб и схоронил жену в своем саду, под ее любимой яблоней. Сначала на могиле поставил просто столбик, а через год привез с каменоломни глыбу гранита и сам вытесал надгробие — два сросшихся восьмигранных кристалла в виде буквы V, заключенных в причудливый кованый орнамент.

За самовольное захоронение в неполюженном месте его начали преследовать власти Крыма, вплоть до прокурора: все требовали выкопать гроб и отнести его на кладбище, грозили тюрьмой, но перезахоронить прах без ведома Мавра никто не посмел, ибо весь прибрежный край Соленой Бухты стоял за него горой.

После Любви Алексеевны он не мог воспринимать других женщин. А из мужчин выделял и поддерживал тесные приятельские отношения с бывшим командиром подводной лодки Радобудом и дежурным с лодочной станции Курбатовым. С Радобудом его связывало одинокое, холостяцкое житье — от отставного капитана первого ранга, хватившего дозу радиации, ушла жена. Они часто ходили с Мавром на быстроходном катере на рыбалку, ныряли с аквалангом и собирали со дна остатки древних цивилизаций в виде корабельных обломков и битой посуды и продавали в антикварные лавочки на пляжах.

Они порой целыми днями играли в шахматы.

Все остальные считались хорошими знакомыми и соседями — у Мавра не было врагов, поскольку он владел огромным потенциалом примиряющего начала и мог найти общий язык даже с самым горячим и нетерпимым горцем.

Были у него давние, верные отдыхающие постояльцы, челночницы, гоняющие за товаром в Турцию, приезжавшие на юг уже лет пятнадцать. Они приезжали и с мужьями, и с детьми, и с любовниками, и просто женской компанией. Потом постепенно от них перестали приходиться открытки с поздравлениями, заказы на жильё в бархатный сезон. Прекратились и неожиданные наезды веселой толпой; кто-нибудь из них заедет тихо и в одиночку, и то по торговым или каким-то странным делам, и уедет, не прощаясь. Мавр сразу же понял, в чем дело: они мучались и стыдились своей крайней нищеты, семейных разладов и одиночества.

Все они были из одного северного города Архангельска, все с филологическим образованием, умненькие, разговорчивые и все по-пионерски романтичные — обожали море, ночные костры, песни под гитару и приключения. И все любили массаж и голос Мавра, на магнитофон его записывали, чтобы слушать дома зимой.

И вот после длительного перерыва вновь нагрянули все вместе, оказывается попутно, с огромными клетчатými сумками, набитыми кожей и тряпьем. В красивых платьях и костюмах, с проблеском золота и серебра на руках и шеях, в изящной импортной обуви, украшающей ноги — неузнаваемые, счастливые и ухоженные дамы! Повисли все втроем на Мавре, тискали его, мазали губной помадой, гладили седые вихры и, не опасаясь за макияж, ревели черными слезами.

Как-то уж получилось, что он стал свидетелем их судеб, большого и важного отрезка жизни, блеска, нищеты и возрождения. И это нельзя было назвать дружбой, по крайней мере сам Коноплев так не считал, поскольку подобных отношений за долгие годы жизни у теплого моря наладилось тысячи и с самыми разными людьми. Между ними всегда стояли деньги, и они-то мешали сблизиться: заканчивался отдых, и наступало время платить за него. И отказаться от этого Мавр не хотел принципиально, ибо все обращалось или могло обратиться в плоскость родственных отношений или что еще хуже — в нахлебничество. У него был горький опыт, когда обнаруживаешь, что нахальство человеческое не имеет границ и стоит лишь

единожды поступиться принципом, как потом потребуются несколько лет, чтобы отвадить халявщиков. Да еще и рассташься чуть ли не врагами!

В день приезда для постоянных клиентов он устраивал бесплатный пир с винами разных сортов, шашлыками, азу собственного приготовления, горами всевозможных фруктов и катанием по вечернему морю на катере каперанга Радобуда; почти такой же загул следовал по окончании сезона, но за все остальное надо было рассчитывать.

Челночник он встретил по обыкновению щедро, никого из них не выделял вниманием, танцевал в саду с каждой примерно поровну и дурачился со всеми без обиды и скабрёзности и, разумеется, ни с кем не менял своего летнего наряда, однако когда отправились кататься на катере и к компании присоединились Радобуд и Курбатов, сам собой разложился марьяж. Марина забралась в рубку к капитану, Лена спустилась к профессору-пенсционеру в каюту играть в шахматы, а Томила — женщина, носящая цыганское имя, но совершенно на нее непохожая, осталась на палубе с Мавром.

Почти счастливым, разгулявшимся и свободным дамам требовалось что-нибудь эдакое, романтично-сердечное, но кавалеры мало куда годились. Молодой еще Радобуд вообще избегал женщин, дежурный лодочник-ученый перебрался на юг, чтобы лечить застарелый ревматизм, и, в буквальном смысле, скрипел на ходу, как немазаная телега, а Мавру, несмотря на здоровье, шел девятый десяток, и, кроме того, он пристроился в рубке читать газеты.

Но других-то кавалеров не было!

Море выдалось не очень-то для купания, после недавнего шторма пошла низовка, вода была градусов восемь, но когда из виду начала скрываться береговая полоса, барышни изъявили желание окунуться в открытом море. Для страховки вместе с ними нырнули и Радобуд с Мавром, побултыхались несколько минут, вылезли на палубу, и тут началось согревание женских тел. Согласно марьяжу.

Коноплев еще ничего не заподозрил и ничему не удивлялся, так как знал Томилу давно и относился к ней с чувством

дедушки к внучке — это была условная игра со всеми молодыми женщинами. Она прижималась к Мавру и, слегка пьяненькая, шептала:

— Ты почему такой горячий? Тебе не холодно, да?.. Откуда в тебе столько энергии?

— От солнца, — сказал он.

— Я когда долго загораю, меня знобить начинает. И загар совсем не пристает... Давно хотела спросить... И мы сегодня с девчонками спорили — сколько тебе лет? Ты, как женщина, скрываешь свой возраст.

Он гордился своими годами, но и в самом деле иногда скрывал. Чтобы не шокировать впечатлительную публику.

И сейчас, слушая ее шепоток, Мавр вспомнил время, когда Томила однажды приезжала с мужем, спортивным молодым человеком, а потом с двухлетним сыном и двумя годами позже — с любовником. И в первый приемный день после пира как-то сами собой возникали мужские соревнования: в основном тянулись на руках или делали заплывы. Хозяин вначале не участвовал в развлечениях гостей, но его подначивали, поддразнивали и в результате втягивали в состязания. Мавр поочередно, в разные годы уложил и мужа, и любовника Томилы, тем самым испортил отношения на весь сезон.

Ни тот ни другой на юг больше не приезжали.

Сколько Мавру лет — гадали чуть ли не все постояльцы, и когда он говорил правду, уличали в кокетстве. Она тоже не поверила, с прищуром белесых ресниц осмотрела его грудь, шею, попыталась разглядеть складку, перечеркивающую левую щеку от виска до подбородка, поняла, что это не морщина, а глубокий, закамуфлированный врачами шрам, но спросила совершенно об ином.

— Ты кто, Мавр? Ты кем был раньше?

Это уже был девяносто пятый год, и потому он сказал открыто:

— Генералом был.

И этому она не поверила, осталась при своем мнении.

Но когда вернулись домой и уже вшестером продолжили пир, впервые за много лет он изменил себе и, удалившись в